

Но он не пошел, потому что хотел посмотреть, как снимается Гу Ао, он всегда считал, что наблюдать за его съемками — тоже наслаждение, и такая возможность видеть его каждую минуту действительно слишком редка.

Когда Гу Ао играл с новичком, он всегда наполовину раскрывал свою ауру, ведь если бы он был слишком активен, это поставило бы все с ног на голову.

Однако даже так он создавал немалый стресс для Цинь Цзяна, который играл с ним в сцене: будь то владение текстом или выражение, движения — все было слишком плавным, и в этой сцене еще была внутренняя игра.

Эта сцена происходила на семейном банкете семьи Бай, где главный герой Бай Дэминь в исполнении Цинь Цзяна впервые встречался с Бай Фэнцином, который искал у них приюта.

Диалогов было немного, зато была внутренняя игра, нужно было по каждому слову и действию персонажа угадывать его психологию.

Гу Ао сидел на гостевом месте, слегка опустив глаза, когда глава семьи говорил, он всегда сидел слегка развернувшись, принимая почтительную позу слушающего, но не вставал, показывая обнищавшего аристократа, который, живя на милости других, сохраняет внутреннее самоуважение, — и сыграл это до мельчайших деталей.

Цинь Цзян же, наоборот, его актерское мастерство было несколько слабовато: кроме частей с репликами, в остальное время либо выражение лица было слишком напряженным, либо слишком поверхностным.

Син Юаньцин из-за этого сделал несколько дублей.

В этот момент Син Юаньцин хмурился и объяснял сцену стоящему рядом Цинь Цзяню:

— Не переигрывай, должно быть напряжение и расслабление, напряжение и расслабление, понимаешь? Только что выражение лица было слишком выбивающимся из роли...

Пэй И сидел близко, а у Сина Юаньцина был громкий голос, ему было трудно не услышать. В этот момент он поднял голову и смотрел в том направлении, на лице не было никаких эмоций.

Глядя на неловкое выражение лица Цинь Цзяна, он вспомнил, как сам впервые играл с Гу Ао, было примерно то же самое.

— Что, насмотрелся на зрелище?

Гу Ао потер шею, подошел и, наклонившись, посмотрел на Пэй И.

Пэй И очнулся, увидел подходящего Гу Ао, мгновенно встал:

— Брат.

Позвав так, Пэй И огляделся, но не увидел ассистента Гу Ао, он нахмурился, затем взял салфетки из рук Цяо Цяо и протянул их Гу Ао.

Гу Ао был удивлен внимательностью Пэй И, взял салфетку, промокнул лоб, затем сел на стул для отдыха рядом, и сразу подошел гример поправить ему макияж.

— Давление чувствуешь?

Гу Ао держал салфетку, искоса посмотрел в сторону Цинь Цзяна и спросил.

Пэй И поджал губы, дело было не в давлении, в конце концов, у него и так было мало сцен, а сцены с Гу Ао и вовсе можно было пересчитать по пальцам.

Он просто... чувствовал большую жалость, что у него нет возможности такого противостояния лицом к лицу с Гу Ао, потому что их несколько совместных сцен были очень короткими.

— Пфф... — Гу Ао подумал, что угадал, фыркнул. — И из-за такого давления, бесталанный.

— Нет... брат, я просто... немного сожалею.

Пэй И тихо объяснил:

— У меня нет такой возможности, как у него, я на самом деле очень хочу, очень хочу сняться с вами в нескольких сценах.

Хочу увидеть, как вы полностью раскрываете свою ауру, играете на полную.

Последнюю фразу Пэй И не произнес, потому что такие слова звучали бы самонадеянно.

Услышав слова Пэй И, Гу Ао замер, немного опешил, слегка повернулся к Пэй И, увидел, что тот опустил голову, с выражением сожаления.

Гридер, поправив макияж, отошел.

— Пуф...

Гу Ао внезапно рассмеялся.

Пэй И, услышав звук, поспешно поднял голову и увидел, что глаза Гу Ао слегка прищурились, в них сверкали искорки, от чего у него... зарябило в глазах.

— Еще хочешь несколько сцен сняться, что, роль второго плана тебя унижает?

Гу Ао спросил как бы в шутку, затем почувствовал, что мешающая прядь волос перед глазами мешает, и откинул ее назад.

Пэй И, услышав его слова, поспешно замахал руками:

— Нет-нет, не унижает, для меня большая честь сниматься вместе с вами!

Гу Ао опешил, глядя на Пэй И, у которого после таких насмешек не было и тени смущения, а было очень серьезное выражение, и в сердце шевельнулось.

— Не подхалимничай, сладкие речи больших высот не достигнут.

Гу Ао слушал с удовольствием, но все же не удержался от выговора.

Пэй И хотел сказать, что не подхалимничает, говорит правду, но слова, дойдя до губ, изменились, и он только нерешительно пробормотал:

— Угу.

— Жди, раз уж ты так усердно льстишь, дам тебе возможность.

Гу Ао, с одной стороны, восхищаясь послушанием и милотворностью Пэй И, с другой — сказал так.

Там Син Юаньцин и Цинь Цзян уже почти закончили разговор, заместитель режиссера, боясь, что Син Юаньцин выразится слишком резко, утешил Цинь Цзяна несколькими фразами, и съемки продолжились.

Однако из-за проблем с Цинь Цзяном график съемок все же затянулся, и сцены Пэй И перенесли на послеобеденное время.

Когда съемки подходили к концу, Цяо Цяо не выдержала и начала ворчать:

— Вот ведь, из-за них мы пришли так рано, а снимать не можем, лучше бы ты пришел после обеда, зря страдал все утро под палящим солнцем...

Цяо Цяо ворчала, потому что жалела Пэй И, в конце концов, тот действительно встал очень рано, с утра примчался, переоделся, наложил грим, жарким днем сидел здесь и ждал все утро, а в итоге все равно задержали.

В этот момент Цинь Цзян тоже подошел со съемочной площадки, невольно услышав ворчание Цяо Цяо, его выражение лица стало не очень хорошим, в глазах появилась легкая усталость.

— Брат Пэй, прости.

Цинь Цзян, помимо душевной боли и злости, больше всего чувствовал беспомощность, в этой профессии действительно недостаточно просто стараться, талант тоже слишком важен.

Пэй И слегка опешил, поднял голову, посмотрел на стоящего перед ним человека, тоже встал, на лице по-прежнему холодное, неприступное выражение.

Цинь Цзян, глядя на Пэй И, который был чуть выше его, почувствовал сильное давление, причем это давление отличалось от давления киноимператора Гу. Ему казалось, что холод Пэй И — это холод до костей, резкий, а киноимператор Гу — это безразличие, когда он даже бровью не поведет.

Оба заставляли трепетать.

Цинь Цзяну стало неловко, не лучше ли ему поскорее уйти из поля зрения собеседника?

— Ничего, держись.

Пэй И равнодушно ответил и прошел мимо Цинь Цзяна.

Цинь Цзян долго стоял на месте, не мог прийти в себя, он даже подумал, что ослышался, но эти несколько слов были слишком четкими, невозможно ошибиться.

Он резко обернулся, глядя на спину Пэй И, хотя на нем был костюм, но потрепанная темно-коричневая одежда не могла скрыть его высокий рост.

В этот момент Цинь Цзян внезапно почувствовал, что в спине Пэй И он как будто увидел тень киноимператора Гу.

Поскольку после обеда еще были съемки, Пэй И остался в съемочной группе поесть ланч-бокс, у всех были одинаковые ланч-боксы, без каких-либо привилегий.

Пэй И не видел в этом ничего плохого или хорошего, по его понятиям, еда должна просто насыщать.

Но в последнее время Пэй Лань неожиданно специально наняла для него диетолога, довольно строго контролирующего то, что он ест, желая, чтобы всякий раз, когда он появлялся на экране, он был в наилучшей форме.

Ланч-бокс съемочной группы он тоже ел просто так, некоторые блюда ему было нельзя есть — это специально оговаривал диетолог.

Но в такую жаркую погоду у Пэй И аппетита особо не было.

— Что, изнежился, не можешь есть такую еду?

Гу Ао сидел рядом, но не притронулся к палочкам, только смотрел, как Пэй И съел два куска и перестал, приподнял бровь и спросил.

Пэй И повернулся, опешил, не зная, как ответить на этот вопрос.

Как раз в этот момент Юнь До внезапно подбежала, наклонилась и что-то тихо сказала Гу Ао, после чего Гу Ао кивнул, встал и прямо пошел к режиссеру.

Через некоторое время Юнь До вернулась, привела машину, машина остановилась недалеко от съемочной группы, из нее вышли двое, в руках несли несколько коробок.

— Давайте-давайте, киноимператор Гу угощает всех едой, кто здесь, тому и достанется.

Сценарист был человеком простым, услышав от Сина Юаньцина, что Гу Ао прислал что-то, обрадовался, глаз не видно.

Те, кто вышли с коробками, поставили их на пустом месте у края площадки, затем открыли коробки одну за другой.

Все посмотрели: в этих больших коробках были сезонные фрукты, причем внизу, кажется, были пакеты со льдом, фрукты были освежающе прохладными.

В такую жару эти сезонные прохладные фрукты вызывали зависть.

Гу Ао тоже много не говорил, только велел Юнь До оставить немного, а остальное раздать другим членам съемочной группы.

<http://bllate.org/book/15525/1380254>